

**В.М. Дорошевич.
Репортер**

Я никогда в жизни не видал такой визитной карточки.

– «Икс Игрек Дзет. Репортер газеты такой-то».

Всегда:

«Корреспондент газеты такой-то».

«Хроникер газеты такой-то».

Иногда даже:

«Интервьюер».

В крайнем случае, просто:

«Сотрудник».

И никогда:

– Репортер.

Я даже не знаю, существует ли в русском разговорном языке слово «репортер». Есть слово «репортеришка».

Чаще всего с прибавлением слова «всякий».

– Всякий репортеришка, – и туда же смеет писать!

Это слово ругательное, и рассерженный обыватель, если хочет выругать обидевшего его журналиста, делает презрительную гримасу и говорит:

– Репортеришка!

Немудрено, что и сами гг. репортеры стараются избегать своего звания:

– Вы уж напишите, пожалуйста, в редакционном удостоверении «корреспондент», а не «репортер».

– Почему же?

– «Репортер» – это очень плохо звучит.

Если вы видите в афише новой пьесы в числе действующих лиц репортера, – заранее можете быть уверены, что это непременно шантажист, мошенник, человек, готовый за грош «на все».

Какой драматический «лев» не лягнул своим копытом «репортера»?

Если вы встречаете репортера в повести, романе, рассказе, – можете быть спокойны, что это лицо в лучшем случае только комическое, в худшем – самое презренное.

Он залезает под стол, чтоб подслушать чужие разговоры, и берет пять рублей, чтоб не разглашать семейных тайн.

Какой из «орлов», державших в своем копыте когда-либо перо беллетриста, не «живописал» так беднягу репортера?

«Репортер», это – слово, мало отличающееся, по общему мнению, от слова «клеветник».

И всякий по этому случаю считает возможным и удобным клеветать на репортера.

Раз человек клеветник, отчего же на него не клеветать?

Откуда, однако, взялась эта клевета, ставшая «общим мнением»?

Несомненно, это «общее мнение» имеет свою историческую подкладку.

Старые газетные работники помнят еще именно таких «репортеров», каких до сих пор выводят гг. драматурги и описывают гг. беллетристы.

Грязных, нечесаных, невымытых, которых даже в редакциях не пускали дальше передней.

Они подслушивали разговоры, сидя под столом, потому что их никуда не пускали, и их никуда нельзя было пустить.

Это был безграмотный народ, писавший «еще» с четырьмя ошибками и которых мазали за их «художества» горчицей.

Хорошенькие времена! Одинаково хороши были все: и те, кто доводил себя до мазанья горчицей, да и те, кто находил в этом удовольствие и «нравственное удовлетворение».

Но кто и теперь не говорит при виде идущего репортера:

– Вон репортеришка бежит!

И кому какое дело, что он бежит, в сущности, по общественному делу!

Процессом «Владимира» интересовалась вся Россия.

Из всех рефератов, печатавшихся в одесских газетах, лучшим был реферат покойного В.О. Клепацкого.

Этот реферат почти дословно перепечатывался чуть не всеми русскими газетами.

По крайней мере, большинством.

Когда драматург пишет пьесу, – он получает гонорар со всякого театра, где она ставится.

Если бы у нас относились с большим уважением к собственности и перепечатки чужих произведений оплачивались бы точно так же, как оплачивается постановка драматических произведений на сцене, – В.О. Клепацкий получил бы за свой труд, прекрасный, добросовестный, обративший на себя внимание всей русской печати, – тысячи.

А он работал на всю русскую печать, получая только свой обычный, скромный гонорар из редакции своей газеты.

Ежедневно сведения, добываемые репортерами, перепечатываются десятками, иногда сотнями газет.

Если бы репортеры получили вознаграждение от всех газет, которые пользуются их трудом, – вид «бегаящего репортеришки» прошел бы в область преданий.

Пусть это вознаграждение со стороны каждой газеты было бы очень мало, – пропорционально богатствам каждой газеты, – в общем это составило бы солидную сумму и подняло бы благосостояние этих бедняг, получающих гроши за сведения, интересующие всю Россию.

Если хотите составить себе понятие об отношении, которое составляет интерес, возбуждаемый часто репортерскими заметкам, и гонораром, который получают авторы за эти сообщения, – я сообщу вам факт из собственной практики.

Лет 15 тому назад, когда я был репортером, мне удалось добыть одно сведение, очень сенсационное, которое я, со свойственной репортерам краткостью, изложил в 7 строках.

Эти семь строк обошли решительно все русские газеты.

Так как сведение, сообщенное в них, имело большой общественный интерес, то оно вызвало ряд фельетонов, передовых статей во всех больших столичных газетах.

Возникла даже полемика.

А я мог внимать всему поднятому мною шуму, пересчитывая 21 (двадцать одну) копейку, полученную мною за мои 7 строк!

В особенности, стоя близко к газетному делу, становится обидно и больно: как мало и материального и нравственного вознаграждения получают эти люди за свой честный, за свой добросовестный, часто талантливый, всегда нелегкий труд.

Эти люди, составляющие фундамент газетного дела.

Рассуждения, обобщения фельетонистов и передовиков, это – все соус, в котором подаются факты.

Но самое ценное, самое существенное – факты, это ведь принадлежит репортерам.

И что же за это?

Что – этим безвестным, безыменным труженикам?

Когда умирают люди, подписывающие свои статьи, – публика хоть несколько дней поскучает, не видя в газетах привычной подписи.

Когда умирает репортер, это проходит незаметно.

Его строк больше нет, но вместо них есть другие строки, такие же безыменные.

И эти серые строки смыкаются над его памятью, как смыкаются волны над головой утонувшего человека.

И неизвестно, – был ли здесь когда-нибудь человек!!

Но пусть так!

Газета, живущая всего один день, очень плохой путь к бессмертию.

Об этом труженике очень мало думают.

Пусть и это будет так!

Ведь, покупая в ювелирном магазине брошь, вы не думаете о тех, кто добывает это золото. А не будь их, не было бы и великолепной броши.

Репортеры получают такие гроши сравнительно с интересом, который часто возбуждают их заметки, и той пользой, которую эти скромные заметки приносят.

Но пусть и это будет так!

Справедливость – очень редкая птица.

Но за что же это обидное, это незаслуженное отношение к самой профессии, не менее честной, чем все другие профессии, и более полезной, чем многие другие.

Почему репортеру неловко сказать:

– Я репортер!

И ловко сказать доктору, что он доктор, адвокату, что он адвокат, директору банка, что он директор банка.

«Во всякой реке есть всякая рыба: и дурная и хорошая».

За что же это обидное обобщение распространяется именно на репортеров?

Почему им приходится быть тем колодецем, из которого все пьют и в который чаще всего плюют.

Репортеры, которые были когда-то и о которых я говорил, умерли как люди и вымерли как тип.

Представлять себе теперешних репортеров в виде тех «типов», которые по трафарету рисуют гг. драматурги и беллетристы, это – все равно что представлять себе артистов Малого театра или театра г. Соловцова в виде Аркашек, которых перевозят из города в город, завернувши в ковер.

Все изменилось.

Среди репортеров нет более людей, пишущих «еще» с четырьмя ошибками.

Им не нужно залезать под столы, чтоб подслушивать, что происходит в заседаниях, – они желанные гости во всяком учреждении, не боящемся света.

К ним лично относятся, как относились, например, к покойному В.О. Клепацкому, – с таким же точно почтением, как и ко всякому честному человеку, занимающемуся полезным общественным делом.

И только одно – они все еще не решаются, не могут решиться сказать громко и открыто, с гордостью и достоинством:

– Я репортер!

«Пустяк!» – скажете вы.

Посмотрел бы я, что сказали бы вы, если б вам неловко было назвать ту профессию честную, которую вы занимаетесь!

Вчера хоронили моего дорогого товарища В.О. Клепацкого, и это горькое чувство обиды шевелилось в моей душе; его не могли сгладить даже всеобщие сожаления, которые окружали безвременную могилу этого честного уважаемого газетного труженика. Мне думалось:

– Да! Ты служил великому делу – гласности. Ты был «только репортер», но ты помогал суду быть «гласным» судом, передавая отчеты об его заседаниях в газете. Ты помогал дать нравственное удовлетворение правым и обиженным, доводя до всеобщего сведения судебные приговоры. Да! Ты пользовался заслуженным уважением как человек. Но почему-то ты, честный слуга честного дела, не мог с гордостью назвать своей профессии: «Я репортер»!

Как скоро умирают люди, и как долго живут предрассудки...